
ПЕРЦЕПТИВНОЕ ПОВЕДЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА КАК ПРОЯВЛЕНИЕ ЕГО ЯЗЫКОВОЙ СПОСОБНОСТИ

И.О. Прохорова

Кафедра русского языка медицинского факультета
Российский университет дружбы народов
Ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

В статье обсуждаются вопросы, касающиеся языковой способности человека и, в частности, особенностей его восприятия. Описывается картина перцептивной эквивалентности дифференциального признака «твердость-мягкость» у носителей разных языков, уточняются параметры их перцептивной способности.

Памяти Лидии Васильевны Бондарко

Основным объектом лингвистики традиционно считается язык, рассматриваемый как семиотическая система звуковых, лексических и грамматических средств и понимаемый, прежде всего, как средство общения. С языком связано становление человека, его существование в мире. Человек использует язык для обмена мыслями, информацией, для взаимопонимания в обществе. Эти назначения языка составляют его социальную основу.

Владение языком связано не только с физиологическими особенностями, развитостью органов произношения, но и с особой умственной организацией человека, с его способностью абстрактно мыслить, формулировать и выражать новые мысли соответственно новым обстоятельствам.

Язык играет огромную роль в нашей жизни. Как писал Леонард Блумфилд, «вероятно именно потому, что мы так с ним свыклись, мы редко обращаем на него внимание, принимая его, подобно дыханию или ходьбе, за нечто само собой разумеющееся. Именно благодаря языку человек отличается от животных» [3. С. 17]. Псевдоязык животных: их сигналы, оповещающие себе подобных об изменениях в окружающей среде, звукоподражания, даже возможность попугаев или обезьян произносить слова или отдельные фразы — все это не имеет ничего общего с человеческим языком. Язык составляет исключительную и неотъемлемую принадлежность человека, являясь необходимым условием функционирования нашего интеллекта. Язык не может существовать независимо от человека. Неслучайно слово *язык* в некоторых контекстах получает значение ‘человек, народ, народность’. Так, в Словаре языка А.С. Пушкина этому слову сопоставлено девять значений, из которых четыре так или иначе соответствуют понятию *человек*.

Фразеология русского языка закрепляет в нашем сознании и речевом опыте прочную связь между человеком и его языком. Мы говорим *найти общий язык, говорить на разных языках, эзопов язык, притча во языцех*, когда хотим сообщить о стремлении достичь согласия, взаимопонимания или о невозможности добиться этого, о выражении мыслей в аллегорической форме, о предмете всеобщих разговоров и постоянных пересудов.

Размышляя о влиянии языка на характер народа, о воздействии языков на духовную организацию человечества, Вильгельм фон Гумбольдт утверждал: «Человек думает, чувствует и живет только в языке, он должен сначала сформироваться посредством языка» [7. С. 378]. По Гумбольдту, народ создает свой язык как орудие человеческой деятельности, поскольку любая общественная деятельность невозможна без языка.

Лингвистическая традиция рассматривать язык в отношении к его создателю и пользователю нашла яркое отражение в трудах И.А. Бодуэна де Куртенэ, Л.В. Щербы и многих европейских языковедов. Один из разделов «Общей лингвистики» Эмиля Бенвениста носит название «Человек в языке». Бенвенист излагает суть антропоцентрического принципа в языкознании: «Именно в языке и благодаря языку человек конституируется как субъект. В мире существует человек с языком, человек, говорящий с другим человеком, и язык, таким образом, необходимо принадлежит самому определению человека» [2. С. 293]. Также определенно формулирует свою позицию Фердинанд де Соссюр: «Язык существует лишь в говорящем, он не может существовать вне общества» [13] (1).

Нельзя изучать язык независимо от человека, владеющего им, точно так же, как нельзя построить науку о человеке без обращения к его языку. Это хорошо понимал Иван Александрович Бодуэн де Куртенэ. Выступая за искоренение, как он полагал, «предрассудка, называемого антропоцентризмом», Бодуэн в то же время признавал важность обращения к языковому чутью носителей языка. Он считал, что психофонетика должна изучать «фонационные представления» в психике человека. О необходимости регистрировать факты языкового сознания говорящих на данном языке писал и ученик Бодуэна — Лев Владимирович Щерба. Щерба исходил из того, что язык является средством общения, и поэтому важно представлять себе существенность каждого языкового факта для носителей языка.

Известный французский лингвист Клод Ажеж в книге «Человек говорящий» рассматривает вопрос о связи между ментальными процессами, лежащими в основе языковой способности, и тем, как эта способность используется человеком [1]. Языковая способность, вписанная в генетический код человека около 1,5—2 млн лет назад, — пишет Ажеж, — является единой для всех людей и универсальной характеристикой человека как вида. Изучать языковую способность человека — значит узнавать то, как человек использует язык.

Наблюдения над речевой деятельностью позволяют лингвистам делать выводы о функционировании языка. Связь между языковой способностью и речевой деятельностью особенно ярко обнаруживается, если обратиться к анализу перцептивной картины речи, т.е. тех особенностей восприятия (2) звуковых единиц, которые в первую очередь зависят от их языковой функции.

Отечественная лингвистика всегда проявляла устойчивый интерес к изучению звучащей речи, первичной и основной форме существования языка. Произносимая речь, порождаемая в процессе говорения и воспринимаемая слушающими, является материалом, содержащим сведения о том, как функционирует язык, каким образом его звуковые единицы выполняют свое основное предназначение — участие в образовании и различении значимых единиц языка — морфем и слов.

Изучение речевого поведения человека с точки зрения анализа слухового восприятия позволяет:

— расширить наши знания о ментальных процессах, лежащих в основе восприятия;

— выяснить, как функционирует перцептивный аппарат человека: а) проанализировать, как структурируется и организуется получаемая человеком сенсорная информация; б) установить, как фильтруется эта информация, в какой степени ее интерпретация зависит от фонологического слуха *resp.* «фонологического сита» носителя языка, т.е., в конечном счете, узнать, как используется языковой код говорящим-слушающим;

— определить, в чем состоит интерферирующее влияние системы родного языка человека, ибо, как говорил Бодуэн, мы способны воспринимать все слышанное «под углом» родного языка;

— определить стереотипы перцептивного поведения носителей данного языка;

— установить правила, регулирующие отношения между фонемой и ее фонетическими характеристиками.

Поскольку общим для всех *homo sapiens* является наличие языковой способности, то в нашем речевом поведении, естественно, должны обнаруживаться определенные универсальные черты. С другой стороны, следует непременно ожидать и специфических особенностей, вызываемых разнообразием языков, и, соответственно, языковых систем, которыми пользуются их носители. И тут мы обращаемся к анализу двух объектов: фактов языка и поведения человека — носителя языка.

Рассмотрим этот вопрос на примере проблемы различительных признаков. Как известно, данные восприятия не учитывались (3) при описании различительных признаков фонем. Бинарные различительные (дифференциальные) признаки с заложенной в них идеей дихотомичности были описаны применительно к артикуляторному и акустическому уровням (Якобсон, Фант и Халле, 1962). Последнее дало возможность утверждать, что при таком подходе выделение единиц, значимых для фонематического слуха, становится весьма проблематичным. Крупнейший специалист в области перцептивной фонетики Зураб Николаевич Джапаридзе убедительно показал, что различительные признаки, как они описываются авторами соответствующей теории, не есть те признаки, которые используются слуховой системой человека. В теории различительных признаков «фонетические единицы классифицируются не по тем признакам, которыми их различает слух носителей языка, а по тем признакам, которыми их может отличить лингвист друг от друга в процессе логических операций» [8. С. 76].

С середины XX в. основным направлением экспериментально-фонетических исследований становится определение перцептивных коррелятов различительных признаков фонем. В основе этого направления лежит идея рассматривать функционирование языка в связи с его носителем. Главная заслуга в развитии этой отрасли знаний, безусловно, принадлежит Лаборатории экспериментальной фонетики им. Л.В. Щербы, кафедре фонетики и методики преподавания иностранных языков СПбГУ (ЛГУ), и в первую очередь Лидии Васильевне Бондарко. В центре внимания ученых были следующие вопросы: Какие стереотипы перцептивного

поведения человека навязывает носителю языка его языковая система? От чего они зависят? Могут ли дифференциальные признаки разлагаться на более мелкие компоненты, и если да, то какова их структура? Говоря другими словами, какие составляющие элементы звуков (полезные свойства), по Бодуэну — «фонационные части» звуков — способны выполнять лингвистическую функцию — участвовать в выявлении дифференциальных признаков фонем?

Традиционно считалось, что восприятие речи есть процесс, в результате которого выделяются основные, фонематические, признаки, играющие в языке «сигнальную роль», и оттормаживаются другие, не имеющие в нем функциональной значимости. Исследования восприятия русской речи показали, что перцептивное пространство не совпадает с фонематическим и что число различаемых человеком звуковых единиц превосходит число фонем его родного языка. Было установлено, что носители русского языка различают и определенным образом интерпретируют 18 эталонов русских гласных, функциональная нагрузка которых обусловлена твердостью-мягкостью соседних согласных [5].

Исследования восприятия русской звучащей речи обнаружили, что отношения между дифференциальными признаками и их физическими характеристиками не изоморфны. Дифференциальные признаки не имеют однозначных артикуляторных и акустических коррелятов и часто обнаруживаются не в том сегменте, который можно считать коррелятом данной фонемы, а в целом слоге, в состав которого входит эта фонема. Элементарными и первичными единицами анализа оказались не фонемы, а слоги, хранящиеся в ментальной памяти носителя языка. Так, перцептивная недостаточность русских мягких смычных компенсируется наличием *i*-образного перехода от мягкого согласного к гласному. Иначе говоря, аккомодационные изменения соседнего гласного в данном случае оказываются фонетическим сигналом признака согласного. Для носителей русского языка в целом ряде случаев качество соседнего гласного было более существенным, чем собственные характеристики мягкого согласного. В результате экспериментов было обнаружено, что «в качестве признаков, полезных для восприятия, т.е. в конечном счете функциональных, выступают такие свойства речевого потока, которые прямо не соотносятся с дифференциальными признаками ни с точки зрения способа противопоставления другим признакам, ни с точки зрения линейного расположения в речевой цепи» [4. С. 41]. Более того, признак мягкости согласных выявляется не только на протяжении всего слога, но и на участках элементов, не представленных в его фонологическом составе (на участках *i*-образных переходов и не только на них). Функциональная роль *i*-образных элементов в восприятии мягкости согласных находится в обратной зависимости от степени мягкости самих согласных (взаимокомпенсаторные отношения).

Выявление функционально значимых характеристик звуковых единиц, существенных для восприятия, явилось основанием для разграничения понятий различительного (дифференциального) и релевантного (фонологически существенного) признаков. Релевантными, т.е. полезными для восприятия, могут быть и интегральные, избыточные признаки.

Вывод, полученный при изучении речевого поведения носителей русского языка, о том, что функциональный признак «твердость-мягкость» не связан в их языковом сознании с каким-либо одним фонетическим свойством ни на артикуляторном, ни на акустическом, ни на перцептивном уровне, дал основание предположить, что при восприятии русской речи носителями других языков данный признак не будет иметь инвариантной связи с какой-либо одной его фонетической характеристикой. Поскольку перцептивное поведение человека имеет языковую мотивированность, для носителей разных языков одна и та же фонетическая информация может оказаться в разной степени существенной [12].

При исследовании восприятия слогов с твердыми и мягкими согласными носителями испанского языка было обнаружено, что опознаваемость слогов типа «согласный + гласный», отражая многообразие звукового выражения фонемы, указывает на сложные и неоднозначные отношения между фонемой и ее интерпретацией. Семиотика мягкости представляет собой сложную картину. Диапазон фонетических коррелятов фонемы чрезвычайно широк. Так, перцептивным коррелятом бемольности служит не только качественная характеристика компонентов, представленных в фонологическом составе слога, но и фиксация «ключевых» гласных как знаков, вынесенных за скобки — показателей тональности слога, т.е. элементов, отсутствующих в его фонологическом составе. Что касается акустических характеристик согласных, то в противоположность низким бемольным губные и заднеязычные дизязычные интерпретировались как высокие передне- и среднеязычные. Иными словами, твердость отождествлялась с признаком низкого тона, мягкость — с признаком высокого тона. Наиболее продуктивным и типичным сигналом мягкости согласных, знаком-доминантой, служили в слогах «согласный + гласный» *i*-образные переходы [12]. Выводы о существенности-несущественности различий в восприятии тембровых признаков согласных испанофонами производились с использованием современных методов статистической обработки, соответствующих математических формул и расчетов, что в большой степени обеспечивало достоверность полученных результатов (4).

Финны, как и носители русского или испанского языка, при восприятии мягкости опираются на *i*-образные переходы. Носители же французского языка в силу того, что в его фонетической системе согласные имеют палатализованные оттенки и отсутствует корреляция палатализации, в качестве полезного признака при «извлечении» мягкости используют в аналогичных условиях качество согласного [11].

Фонологическая система арабского языка с его различной функциональной ролью согласных и гласных (согласные образуют слоги, а гласные используются в качестве огласовки) обуславливает тот факт, что у носителей этого языка при восприятии тембрового признака русских согласных большая функциональная нагрузка приходится на свойства согласного и меньшая — на свойства гласного [6].

Анализ релевантных лингвистических фактов восприятия «чужого» тембрового признака показывает, что его перцептивное содержание прежде всего зависит от «знания» человеком системы его родного языка. Это «знание» управляет процессом восприятия неродной речи, и что главное, — оно навязывает носителю

языка определенные способы интерпретации фонологических явлений чужого языка. Кроме того, фонемная идентификация звуковых последовательностей зависит также от слоговой структуры речевого сигнала, наличия-отсутствия слоговых контрастов, и в первую очередь контраста по локусу, от дистрибутивных и статистических характеристик фонем родного языка.

Полученный лингвистический материал позволил проанализировать и обобщить индивидуальные перцептивные системы неискушенных носителей языка, уточнить параметры их перцептивной способности, а точнее, ее функционирование в конкретных речевых условиях, и составить перцептивный портрет совокупного среднего носителя конкретного языка.

Результаты проведенных исследований содержат важный материал для практики преподавания иностранного языка, поскольку показывают степень перцептивной готовности носителя языка применительно к возможности его обучения русскому произношению.

В ходе проведенных экспериментов объектами изучения и пристального внимания лингвистов были не только отдельные участки языковой системы, но и сам носитель языка, т.е. *языковая личность* (термин, введенный Виктором Владимировичем Виноградовым).

Результаты экспериментально-фонетических исследований, инициированных Лидией Васильевной Бондарко, ее теоретические работы в области фонетической организации речи позволяют с новых позиций подойти к трактовке языковой способности говорящего — слушающего, т.е. строго говоря, к описанию речевого поведения носителя языка, и шире, — языковой личности. Совершенно очевидно, что изучение парадигмы языковой личности должно быть связано не только с вопросами о том, как язык концептуализирует мир с помощью лексики и грамматики (языковая картина мира). Важнейшее значение имеет и то, как функционирует звуковая система языка, которой пользуется человек в своей РД.

Современная разработка теории языковой личности, структуры и содержания этого понятия связаны в первую очередь с именем Юрия Николаевича Караулова. В системе Караулова языковая личность — это:

1) любой носитель языка, который с помощью системных средств языка отражает в своих текстах видение им окружающей действительности, т.е. реконструирует языковую концептуализацию мира;

2) «многослойный и многокомпонентный набор языковых способностей, умений, готовностей к осуществлению речевых поступков разной степени сложности, поступков, которые классифицируются, с одной стороны, по видам речевой деятельности (имеются в виду говорение, аудирование, письмо и чтение), а с другой стороны — по уровням языка, т.е. фонетике, грамматике и лексике» [9. С. 29].

Идея рассматривать языковую личность во втором из приведенных значений представляется нам исключительно плодотворной, поскольку речевые поступки человека предполагается анализировать с учетом *всех ярусов* языковой системы и всех видов РД. Однако вызывает недоумение, что при этом в реконструкции содержания и структуры языковой личности опущен фонетический уровень и как уровень системы, и как уровень ее анализа.

Караулов поясняет: «Структура языковой личности складывается из трех уровней — вербально-грамматического, когнитивного и прагматического. Каждый из уровней характеризуется своим набором единиц, которые охватывают *все используемые при изучении языка единицы* (выделено нами. — *И.П.*). К вербально-грамматическому уровню относятся единицы, традиционно используемые при описании лексического строя языка, — слово, морфема, дериват, синоним, словосочетание, синтаксема, управление, согласование и т.д.» [10. С. 672]. Между тем иерархические отношения связывают единицы разных уровней языка: фонетические единицы, хотя и лишены самостоятельного лингвистического значения, выполняют важнейшую функциональную роль в реализации единиц высшего уровня: морфем, слов, словосочетаний. Поэтому речевое поведение человека как языковой личности невозможно описать, не обращаясь к вопросам функционирования звуковых единиц. В [9] о фонетической составляющей структуры языковой личности упоминается лишь при описании лексикализации как способа хранения грамматических знаний в лексиконе языковой личности, тем самым исключается комплексный анализ функций языковых единиц всех уровней.

Нам представляется, что составить полное описание любого национального языкового типа, в том числе и общерусского (как у Ю.Н. Караулова), можно только с учетом данных о функционировании фонетических единиц в РД языковой личности. Обязательное включение системных сведений о производстве и восприятии речи носителем языка позволит избежать неполной и редуцированной трактовки структуры языковой личности, причем на всех уровнях ее устройства и во всех видах РД. Описание структуры языковой личности, психофизической речевой организации человека как системы его речевого поведения неизбежно предполагает выяснение вопросов о том, как производятся звуки речи (артикуляция) и как они оцениваются слуховой системой носителя языка (восприятие).

Серия проведенных экспериментально-фонетических исследований позволила близко подойти к решению задачи, связанной с моделированием перцептивной деятельности реальных носителей языка. Понимание компетенции, трактуемой в первую очередь как знание своего родного языка говорящим — слушающим, в нашем случае — перцептивного поведения, раскрывает во многом природу языковых и интеллектуальных способностей человека. Исследуя перцептивные возможности носителей разных языков, можно установить как общие, т.е. универсальные, свойства человеческого интеллекта и языковой способности, единой для всех людей, так и их специфические особенности.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) «Курс общей лингвистики» Соссюра, реконструированный Сеше и Балли по конспектам лекций, предоставленный учениками Соссюра, заканчивается, как известно, словами: «... единственным и истинным объектом лингвистики является язык, рассматриваемый в самом себе и для себя» [13. С. 269]. Однако установлено, что эта фраза была добавлена составителями «Курса...» и не принадлежит Соссюру: ни в одном конспекте лекций, которыми пользовались Сеше и Балли, ее нет.
- (2) Восприятие понимается как фонемная идентификация звучащей речи.
- (3) Исключения составляют характеристики признаков «прерванный — непрерывный» и «компактный — диффузный», при интерпретации которых привлекались данные восприятия.

- (4) Мы принимали во внимание только значимые результаты, что вовсе не предполагает игнорирования так называемого «отрицательного» и иного рода материала (например, единичных фактов восприятия, маргинальных фонетических характеристик или фонетических нулевых знаков). Такого рода информация учитывалась при составлении индивидуальных речевых портретов участников эксперимента.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Ажеж К.* Человек говорящий. — М.: УРСС, 2003.
[2] *Бенвенист Э.* Общая лингвистика. — Благовещенск: БГК им. И.А. Бодуэна де Куртене, 1998.
[3] *Блумфилд Л.* Язык. — М.: Прогресс, 1968.
[4] *Бондарко Л.В.* Фонетическое описание языка и фонологическое описание речи. — Л.: ЛГУ, 1981.
[5] *Вербицкая Л.А.* Звуковые единицы речи и их соотношение с оттенками и фонемами: Дисс. ... канд. филол. наук. — Л., 1964.
[6] *Гаданфар Ф.Х.* Тембровые корреляции согласных в русском и арабском языках: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — М., 1985.
[7] *Гумбольдт В. фон.* Характеристика языка и характеристика народа // Язык и философия культуры. — М.: Прогресс, 1985.
[8] *Джапаридзе З.Н.* Перцептивная фонетика. — Тбилиси: Мецниереба, 1985.
[9] *Караулов Ю.Н.* Русский язык и языковая личность. — М.: УРСС, 2002.
[10] *Караулов Ю.Н.* Языковая личность // Русский язык. Энциклопедия. — М.: БРЭ, 2003. — С. 671—672.
[11] *Киушкина О.М.* Перцептивные характеристики консонантного противопоставления по твердости-мягкости в русском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Л., 1982.
[12] *Прохорова И.О.* Особенности восприятия латиноамериканцами твердых и мягких согласных русского языка // Вопросы обучения русскому языку студентов-иностранцев. — М.: УДН, 1974. — С. 98—107.
[13] *Соссюр Ф. де.* Курс общей лингвистики // Труды по языкознанию. — М.: Прогресс, 1977.

PERCEPTIVE BEHAVIOUR AS A PART OF LANGUAGE COMPETENCE

I.O. Prokhorova

Russian Language Department
Medical Faculty
Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklay str., 6, Moscow, Russia, 117198

The aim of the article is to analyze the problem of perceptive behaviour as a part of human language competence, the knowledge that enables one to produce and comprehend a language. In particular, the perception of distinctive feature «hardness-softness» is analyzed here.